

**СУНГАРИЙСКИЙ ГОРОД ВНЕ ГРАНИЦЫ: КУЛЬТУРНАЯ ГИБРИДНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ХАРБИНА¹**

Антропов Олег Константинович, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: olegantropov1@gmail.com

Мещеряков Александр Юрьевич, студент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: daomesheryakov@gmail.com

Проанализирован процесс культурной гибридизации и трансграничной коммуникации на контактной территории Китая и России в урбанистическом ландшафте Харбина. Харбин рассматривается как административный и политический центр российской эмиграции в силу его положения на перекрестке различных водных, сухих, железных и торговых дорог, а также как «перекресток» различных рас, этносов, культур. Помимо уникальности политической истории Харбина, в рамках культурной истории Харбин – феномен российской эмиграции на протяжении конца XIX – начала XX в. Строительство Харбина и других поселений вдоль КВЖД являлось новым градостроительным опытом для Российской империи, новым особым этапом российской колонизации Дальнего Востока. В XXI в. Харбин не утратил приграничного характера. Современные харбинцы продолжают участвовать в процессе трансграничной коммуникации между Китаем и Россией.

Ключевые слова: трансграничье, трансграничная коммуникация, культурная гибридность, гибридная идентичность, российская эмиграция, русская диаспора, Харбин, КВЖД, Китай, Россия

**SUGANARY CITYOUT OF BORDER: CULTURAL HYBRIDITY
UNDER THE CONDITIONS OFTRANSBOUNDAR SPACEHARBIN**

Antropov Oleg K., Ph.D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: olegantropov1@gmail.com

Meshcheryakov Alexander Yu., student
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: daomesheryakov@gmail.com

Authors analyze the process of cultural hybridization and transboundar communication on the contact territory of China and Russia in the urban landscape of Harbin. Within the Harbin is regarded as the administrative and political center of the Russian emigration because of its position at the crossroads of various water, dry, iron and commercial roads, and as a «intersection» of various races, ethnicities and cultures. In addition to the uniqueness of the political history of Harbin, in the framework of cultural history, Harbin is a phenomenon of Russian emigration throughout the late 19th – early 20th centuries. The construction of Harbin and other settlements along the Chinese Eastern Railway was a new town-building experience for the Russian Empire, a new special stage of the Russian colonization of the Far East. In the 21th century. Harbin has not lost its border nature. Current Harbin people continue to participate in the process of cross-border communication between China and Russia.

Keywords: transboundar, cross-border communication, cultural hybridity, hybrid identity, Russian immigration, Russian diaspora, Harbin, Sino-East Railway, China, Russia

Трансграничье – это регион, в котором на протяжении нескольких веков формировалась граница между двумя и более государствами, велась активная межкультурная коммуникация между различными народами и происходил процесс культурной гибридизации. Процесс культурной

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

турной гибридации – это процесс смешивания, сочетания различных культур, зачастую диаметрально противоположных, в результате которого происходит образование культурной гибридности [14, с. 30–58]. Культурная гибридность – это следствие взаимовлияния различных культур: межкультурного диалога, слияния рас и этносов, кросс-культурного взаимодействия. Она возникает в результате перемещения этноса на новую для них территорию, т.е. в пространство чужой цивилизации [15, с. 57–60].

В истории российско-китайского трансграничного взаимодействия конца XIX – начала XX в. существует ряд факторов, которые позволяют отнести Харбин к трансграничному городу: эмиграция населения в Харбин из стран Европы, Азии и Америки; географическое расположение в Маньчжурии; функционирование Харбина как административного центра КВЖД, а сегодня как административного центра провинции Хэйлунцзян; конфликты на границе между Китаем и Россией за право эксплуатации КВЖД; смешивание различных культур внутри урбанистического ландшафта Харбина; формирование города вне фронтального тупика; на современном этапе сохраняется многообразие культур в урбанистическом ландшафте города при условии, что граница там отсутствует.

Мы рассматриваем Харбин не только как административный и политический центр российской эмиграции в силу его положения на перекрестке различных водных, сухих, железных и торговых дорог, но и как «перекресток» различных рас, этносов, культур. Фронтальный характер Харбина сохраняется за счёт такого культурно-исторического явления, как культурная гибридность. Харбин представляет собой важную территорию для изучения трансграничной коммуникации в историческом процессе. Этническое разнообразие населения Харбина предопределяет культурный диалог на российско-китайской границе. В истории данного трансграничного региона миграционные процессы оказывали влияние на культурные, духовно-конфессиональные, гендерные, экономические, политические и прочие процессы.

Методологией данной работы является фронтирная и постколониальная теории. Изучение территории с точки зрения фронтирной теории позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской истории и антропологии применительно к изучению российско-китайской границы. В свою очередь, применение понятия постколониальной теории «культурная гибридность» позволяет проследить особенности функционирования культурных явлений внутри урбанистического ландшафта Харбина.

1 июля 1903 г. КВЖД была передана в ведение Эксплуатационного управления, был открыт путь Москва – Тихоокеанское побережье. Наиболее подходящим во многих отношениях местом для административного центра КВЖД стал Харбин. Территориальное положение на пересечении большого водного пути и железной дороги предопределило развитие Харбина как административного центра, а наличие приграничного положения и проживания бок о бок различных народов и культур обусловило его историко-культурную особенность. Новый город на высоком сунгарийском берегу был возведён русскими строителями вследствие возникновения железнодорожного пути из Европы в Азию [1, с. 56]. КВЖД привлекла много людей в Маньчжурию из различных стран мира, разные культуры мира, огромные капиталы, новую торговлю, ремесло, промышленность и внимание мировых рынков. Именно КВЖД являлась краеугольным камнем многих конфликтов между Россией, Китаем, Японией и другими государствами, так как железная дорога являлась новым особым этапом российской колонизации Дальнего Востока.

До конца XIX в. основной формой российской колонизации Дальнего Востока являлось военное завоевание. Подчинение коренных народов силовым способом, строительство фортов и укреплений были ключевыми факторами российской колонизации в данный период. Строительство КВЖД ознаменовало новый этап российской колонизации Дальнего Востока, так как позволило политически и экономически контролировать большой регион, не прибегая к военному завоеванию. Благодаря КВЖД на Дальнем Востоке начали функционировать процессы: российская и китайская эмиграция; развитие торговли и промышленности; приток иностранных инвестиций; ускорилась оборона российской территории; активизировалась наступательная политика на Китай. Военная экспансия приняла форму экономической экспансии. В конце XIX – начале XX в. для России было очень важно сохранить закреплённую за собой

территорию, ограниченную границей. Для Китая помимо сохранения территории существовала потребность получения новой земли, которая была закреплена за Российской империей.

Строительство поселений вдоль КВЖД являлось новым градостроительным опытом, который осуществляла Россия. Отечественный историк Н. Е. Аблова отмечает, что КВЖД – это не просто железная дорога с рельсами, шпалами, подвижным составом, железнодорожными станциями и обслуживающим персоналом. Воплощение проекта КВЖД привело к возникновению в Маньчжурии культурного феномена – на пустынных китайских землях сформировалось в виде КВЖД «государство в государстве». Полоса отчуждения – это особая территория со своей чёткой границей и многонациональным населением [1, с. 79]. На современном этапе Харбин не утратил своего приграничного характера при условии отсутствия там российско-китайской границы. Несомненно, Харбин в истории России и Китая сформировался как город вне фронтального топоса. Город потерял политическую, географическую, военную и административную функции для России, но современный урбанистический ландшафт этого города полностью соответствует фронтальному городу – месту, где в истории происходила встреча различных культур и их смешивание.

Города, образованные вдоль КВЖД, имели высокие темпы развития. Харбин, возникший на пути из Европы в Азию в 1898 г., сформировался в течение двадцати лет как европейско-азиатский город. В размерах своего роста Харбин был сопоставим с американскими городами на Диком Западе [21, с. 11–12]. Город вырос в безлюдной местности по западной промышленно-урбанистической модели и российским градостроительным образцам XX в., которые к этому периоду сочетали в себе европейскую и восточную культуры и образовывали новое культурное пространство с элементами культурной гибридности. Само название – Харбин – гибридное, и на сегодняшний день российскими и зарубежными историками этимология названия не определена. В зарубежной литературе Харбин описывается как город западной цивилизации в Азии.

Харбин являлся крупнейшим центром русской диаспоры в Китае. Большая часть дальневосточных русских эмигрантов поселилась в Маньчжурии. Условия для существования русской диаспоры на бытовом и культурном уровнях, для развития предпринимательства и творчества российской интеллигенции были уникальны по своим возможностям в сравнении с условиями жизни российской эмиграции в Западной Европе.

Российская эмигрантская интеллигенция не осталась в Китае политически пассивной. Наибольшее число политических организаций сформировалось именно в Харбине, где был сосредоточен разнообразный спектр политических взглядов. Большинство организаций преследовали основную цель – борьба с советской властью при иностранном вмешательстве или без него, уповая на национальную революцию. 12–16 сентября 1930 г. в Харбине было проведено «Дальневосточное Собрание русской эмиграции» с целью обсудить пути создания объединения всей дальневосточной эмиграции вокруг определённого политического центра – одного города [4, л. 25]. Единства российской дальневосточной диаспоры так и не было достигнуто, несмотря на то, что в ряде городов Китая организовывались представительства этого Объединения [3, л. 110–111].

Одним из проявлений культурной гибридности в эмиграции был русский фашизм в харбинском варианте. В программных документах русских фашистов в Харбине содержится новое понятие фашизма. «Русский фашизм – это сумма исторических заветов наших предков вместе с устремлениями современных нам русских трудящихся масс. Мы не боги, мы не гении, мы не сверхлюди, мы просто представители своей эпохи, идущей на смену веку капитализма и социализма, марксизма и демократии, масонства и еврейства, люди, продолжительными размышлениями освободившиеся от иудо-масонского дурмана...» [19, с. 1]. Русский фашизм зародился в среде эмигрантской молодежи Харбина как новое культурно-политическое явление, сочетающее в своей программе от 1927 г. коммунистические, демократические, монархические, националистические доктрины, идеи фашистских партий Европы, православной религии и казачества [5, л. 5–11]. Конечно же, это не было фашистским движением, а слово «фашизм» в названии было модным, т.е. не соответствовало прежним политическим установкам. Само понятие «русский фашизм» – гибридное образование, вобравшее в себя новые течения и традиционные постулаты. На страницах харбинской печати можно встретить популярный лозунг

«Коммунист убивает душу нации, а фашист воскрешает!» или «Коммунизм – еврейский заговор» [23, с. 7]. Коммунистический режим и коммунисты стали объектом сатиры на страницах харбинской эмигрантской печати.

Помимо уникальности политической истории Харбина, в рамках культурной истории Харбин является феноменом российской эмиграции на протяжении конца XIX – начала XX в.

Русский писатель Вс. Н. Иванов указывает, что в Харбине замечается особый и оригинальный гибрид, сформировавшийся в результате общих трудом народов Китая и России [9, с. 32]. Харбин – это гибридный город, «перекресток» культур, территория, где наиболее заметно смешивание различных культур.

Первоначально на месте застройки Харбина китайцы, русские, корейцы и японцы вели активную межкультурную коммуникацию, работали на новых землях, растили пшеницу, бобы, рис, выхаживали скот, рубили лес, экспортировали масло, производили вино. Со временем в Харбине начали функционировать международные фирмы по снабжению техникой, связью, транспортом, гастрономией, алкоголем, мебелью и пр.

Русские эмигранты жили в Харбине, сохраняя собственные традиции: ели блины на Масленицу, катались вместо троек на рикшах, на Пасху был слышан звон колоколов православных храмов и церквей [9, с. 54]. Тысячи русских харбинцев принимали участие в крестовом ходе на Иордань. Среди зрителей было много китайцев, корейцев и японцев [11, с. 36–37]. Харбин в провинциальном отношении мало чем уступал Москве в числе православных храмов. Китайцев и японцев поражало то, как могут русские зимой купаться в ледяной воде, и убеждались, что именно горячая вера помогает русским делать это [12, с. 3–4].

Вывески харбинских предприятий на Большом проспекте и Китайской улице отражали культурную гибридность: «Лучшая мануфактура Цхомелидзе-Микатадзе», «Фабрика Ипсиланти», «Торговый дом Петрова», «Кавказский ресторан Татос», «Магазин Лондон В.Н. Мичкова», «Склад Тянь-Ты-Син», «Европейские бани», «Июкогама Спешу Банк», «Магазин Токива», «Т./Д. Мацуура», «Мусульманское углепромышленное товарищество» [16, с. 15–17; 17, с. 10; 18, с. 7]. Популярный торговый дом «Чурин и К°» находившийся в здании центрального универмага, имел большую вывеску на китайском языке. Чуринские товары были самыми популярными и разнообразными в Харбине, начиная с мебели, меховых шуб, мировой литературы и заканчивая русской водкой, табаком, куличами из харбинского хлеба к празднику пасхи. Многие товары, покупаемые китайцами и иностранцами, являлись экзотическим подарком. Чуринская колбаса Харбина, имевшая «чуринский вкус», сейчас является одной из визитных карточек города [8]. Чуринская фирма учитывала предпочтения не только русского населения, но и китайского, японского и европейского. Подобный случай произошёл и с харбинским пивом. Изначально оно было импортировано в 1900 г., а затем производилось русским предпринимателем в Харбине. На современном этапе харбинское пиво остается одним из самых популярных и продаваемых пивных напитков в Китае [7].

Именно в Харбине, на «полосе отчуждения», по инициативе служащих КВЖД в 1901–1902 гг. возникает первый винокурный завод в Северной Маньчжурии, в районе Старого Харбина. Со временем в Харбине и районе КВЖД функционировало уже семь винокурных заводов, принадлежащих русским (4 завода) и китайцам (3 завода) [10, с. 463–465].

Также ярким примером инициативы харбинцев является сооружение пристани вопреки указаниям Строительного управления города, выступавшего против самостоятельной застройки Харбина самими жителями. Жизнь харбинцев так и не удалось ввести в законопослушное русло. Возникновение пристани и Китайской улицы, одной из достопримечательностей Харбина, где была сосредоточена вся торговая жизнь, являлось исключительно частной инициативой китайцев и русских. Пристань возникла из первых поселков китайских и русских рабочих, тем самым застраивалась как гибридное пространство с каменными домами в два – три этажа с деревянными избами и китайскими глиняными фанзами [1, с. 63]. Недалеко от пристани, в самом конце улицы, недалеко от берега р. Сунгари (кит. 松花江 – Сунг-хуа-цзянь – река кедрового цветка) находился прекрасно оборудованный тенистый городской сад. В саду имелось помещение для театральных постановок, кинематографа, ресторана, оранжерея цветов и водный канал с перекидными мостами.

Первоначально харбинцы предпочитали в качестве развлечений и досуга цирк и театр. Но в 1905 г. был открыт первый кинотеатр – «Французский электро-кинематографический театр». Спустя некоторое время в Харбине появилось множество кинотеатров: «Америкэн», «Стар», «Гигант», «Ориент», «Модерн» и др., где в 1930-е гг. доминировали американские фильмы американских киностудий (шедевры киноиндустрии), очень редко транслировались французские и английские картины [24, с. 51–60].

Летом речной берег становился любимой зоной отдыха харбинцев при условии, что берег р. Сунгари не был так красив, как берега сибирских рек, но харбинцев и иностранцев привлекало большое число китайских лавок на набережной со всевозможными товарами, разукрашенных в яркие изображения китайских драконов, вывесками с китайскими иероглифами [26, с. 103]. В районе затона можно было встретить русских и китайских лодочников на традиционных китайских лодках и шаландах с названиями «Рязань», «Казань», «Наташа», «Красотка», «Москва».

Одним из смешанных мест г. Харбина являлся Зеленый базар с узкими извилистыми улочками, плотно застроенными различными домами. Зеленый базар являлся рынком для горожан, а также находился между Новым городом и Корпусным, Госпитальным городками. В сложных условиях перенаселенности района в нем существовала харбинская бедность. Эмигранты добавляли Зеленому базару культурной гибридности. Самая бедная часть иммигрантов оседала именно в этом районе, пытаясь построить собственный дом. Там жили русские и китайцы, смешивались языки, привычки, быт. Каждый район Харбина застраивался быстро и хаотично, и уже с 1914 г. Зеленый базар не выделялся своей экзотичностью на фоне других районов Харбина [25, с. 59–61].

Согласно социально-экономической программе освоения Маньчжурии, большинство служащих КВЖД должны были иметь комфортабельное жилье – особняк. На тот период времени в России нельзя было встретить большой концентрации особняков на большой территории. Некоторые особняки и многоквартирные дома для служащих КВЖД имели китайские крыши – «Азия над Европой», а в саду дома можно было встретить китайскую беседку [2, с. 6–7]. Большинство зданий в Харбине имели китайский колорит. Подобную архитектуру нельзя было встретить в Центральной России [20, с. 176].

Лингвистическая гибридность проявляется в повседневности китайцев Харбина, которые могут говорить по-русски. Многие слова вошли в жизнь не только города, но и китайского языка в отдельных местах Китая, где проживали и продолжают жить русские: мадам, базар, платье, грубая колбаса, блин, пасха, окрошка, пиво и др. В прозе русских писателей Харбина содержится два – три китайских заимствованных слова, чаще всего «фанза» – «дом», а также слово «чифан» – «есть» (吃饭 – кит. «обедать, ужинать») [6, с. 44]. В 1939 г. на полках чуринского магазина можно было встретить русско-японский-маньчжурский словарь, в котором имелся раздел «Заимствованные и часто употребляемые слова в Харбине» [13, с. 2].

На харбинском рынке в китайских лавках в разговорах с торговцами можно было услышать фразу, согласно которой покупку можно оплатить «собаками». «Собаками» называли расписки Харбинского общественного управления, введённые в оборот в 1919 г. Подобное название они получили по причине того, что на лицевой стороне расписки были изображены китайские драконы. В результате денежного кризиса 1918 г. в этом регионе, в том числе и КВЖД, Русским-Азиатским банком совместно с управлением КВЖД были заказаны в американской фирме «American Bank Note Company» собственные харбинские боны. С началом кризиса харбинцы не перестали заключать сделки, и обмен чеками производился так же, как и раньше. Помимо официального выпуска на протяжении всего 1919 г. выпускались боны по частной инициативе самими харбинцами – несколькими магазинами, предприятиями, культурными обществами, кооперативами, фирмами и др., правда эти чеки никто не мог отнести в банк. Во многом подобная система работала на доверии между харбинцами. Помимо русских рублей печатали китайские боны на китайском языке, которые имелись в хождении только у китайских торговцев [22, с. 312–387]. Преимущество Харбина состояло в удивительной сплочённости городского сообщества. Это одна из особенностей харбинской культуры – люди хорошо знали друг друга, с кем ведут дела, поэтому ошибки в оплате были редки. Вероятно, продавцы имели достаточно информации о своих покупателях в Харбине. Также отметим, что

в 1918 г. расчётной единицей служил романовский рубль. Вследствие выпуска собственных харбинских бон «русский рубль» перешёл в категорию иностранных валют в данном регионе. История с харбинским рублём позволяет нам лучше понять не только экономическую историю, но и трансграничную коммуникацию харбинцев и особенности функционирования культуры.

Выход за рамки традиционных подходов к изучению трансграничного взаимодействия между Китаем и Россией позволяет лучше понять исторические и культурные процессы в Харбине. В XXI в. Харбин не утратил приграничного характера. Современные харбинцы продолжают участвовать в процессе трансграничной коммуникации на контактной территории Китая и России, где при отсутствии фронта, урбанистический ландшафт современного города демонстрирует наличие российско-китайской границы за счёт такого универсального явления в истории, как культурная гибридность.

Список литературы

1. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китай. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н. Е. Аблова. – Москва : Русская панорама, 2005. – 432 с.
2. Архитектура и жизнь // Харбин. – 1921. – № 3. – Январь.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 5826, оп. 1, д. 155 (2).
4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 5853, оп. 1, д. 44 (4).
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9145, оп. 1, д. 247.
6. Гончаренко, О. Г. Русский Харбин / О. Г. Гончаренко. – Москва : Вече, 2009. – 256 с.
7. Грибин, С. «Харбинское пиво» – русские корни? Любителям пива и путешествий / С. Грибин. – Режим доступа: <https://shkolazhizni.ru/meal/articles/13240>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 17.07.2017).
8. Дворцы торговли «Чурин и Ко»: как торговали во Владивостоке 100 лет назад. – Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/495005>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 12.04.2018).
9. Иванов, Вс. Н. Харбин. 20-е годы. Из неопубликованного / Вс. Н. Иванов. – Ленинград, 1994. – 320 с.
10. КВЖД Экономическое бюро. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога // КВЖД Экономическое бюро. – Харбин : Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1922. – 692 с.
11. Луч Азии. Харбин. – 1941. – № 77 (1). – Февраль.
12. Луч Азии. Харбин. – 1943. – № 101 (1). – Декабрь.
13. Луч Азии. Харбин. – 1939. – № 53 (1). – 6 января.
14. Мещеряков, А. Ю. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности / А. Ю. Мещеряков, О. К. Антропов // Журнал фронтальных исследований. – 2017. – № 2 (6). – С. 30–58.
15. Мещеряков, А. Ю. Культурная гибридность в условиях урбанистического ландшафта / А. Ю. Мещеряков, О. С. Якушенкова // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 4 (67). – С. 57–60.
16. Нация. Харбин. – 1938. – № 17. – 1 ноября.
17. Нация. Харбин. – 1939. – № 38. – 5 декабря.
18. Нация. Харбин. – 1938. – № 21. – 10 декабря.
19. Наш путь. Харбин. – 1934. – № 226 (320). – Сентябрь.
20. Нилус, Е. Х. Исторический обзор сооружений Китайской Восточной железной дороги 1896–1923 / Е. Х. Нилус. – Санкт-Петербург : Альфарет, 2012. – 726 с.
21. Петров, В. П. Город на Сунгари. Очерки и рассказы / В. П. Петров. – Вашингтон : Русско-Американское историческое общество, 1987. – 103 с.
22. Погребецкий, А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924) / А. И. Погребецкий. – Харбин : Общество изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского общества «Книжное дело», 1924. – 420 с.
23. Русское слово. Харбин. – 1938. – № 17. – 1 ноября.
24. Рыкунов, Д. Э. Русский кинематограф в Харбине (1900–1945 гг.) / Д. Э. Рыкунов // Известия восточного института. – 2013. – № 1 (21). – С. 51–60.
25. Старосельская, Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая / Н. Д. Старосельская. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 376 с.
26. Хисамутдинов, А. А. Русские волны на Пасифике: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет / А. А. Хисамутдинов. – Пекин – Владивосток : Рубеж, 2013. – 640 с.

References

1. Ablova N. Ye. *KVDZh i rossiyskaya emigratsiya v Kitay. Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [Chinese Eastern Railway and Russian emigration to China. International and political aspects of history (first half of XX century)]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005, 432 p.
2. *Arhitektura i zhizn. Kharbin* [Architect and life. Harbin], 1921, no. 3, January.
3. *State Archives of the Russian Federation*, found 5826, inventory 1, case 155 (2).
4. *State Archives of the Russian Federation*, found 5853, inventory 1, case 44 (4).
5. *State Archives of the Russian Federation*, found 9145, inventory 1, case 247.
6. Goncharenko O. G. *Russkiy Kharbin* [Russian Harbin]. Moscow, Veche Publ., 2009, 256 p.
7. Gribin S. "Kharbinskoe pivo" – russkie korni? Lyubitelyam piva i puteshestviy ["Harbin beer" – the Russian roots? To fans of beer and travel]. Available at: <https://shkolazhizni.ru/meal/articles/13240/> (Accessed: 17.07.2017).
8. *Dvortsy trgovli "Churin i Ko": kak torgovali vo Vladivostoke 100 let nazad* [Palaces of trade "Churin and Co": how they traded in Vladivostok 100 years ago]. Available at: <https://primamedia.ru/news/495005/> (Accessed: 12.04.2018).
9. Ivanov V. N. *Kharbin. 20-e gody. Iz neopublikovannogo* [Harbin. 20th years. From unpublished]. Leningrad, 1994, 320 p.
10. KVZhD Ekonomicheskoe byuro [Chinese Eastern Railway Economic Bureau]. *Severnaya Manchzhuriya i Kitayskaya Vostochnaya zheleznaya doroga* [North Manchuria and the Chinese Eastern Railway]. Harbin, Printing house of the Chinese Eastern Railway, 1922, 692 p.
11. *Luch Azii. Kharbin* [The Ray of Asia. Harbin], 1941, no. 77 (1), February.
12. *Luch Azii. Kharbin* [The Ray of Asia. Harbin], 1943, no. 101 (1), December.
13. *Luch Azii. Kharbin* [The Ray of Asia. Harbin], 1939, no. 53 (1), January 6.
14. Meshcheryakov A. Yu., Antropov O. K. *Russkaya diaspora na kitayskoy zemle: variant kulturnoy gibridnosti* [Russian diaspora on Chinese soil: a variant of cultural hybridity]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2017, no. 2 (6), pp. 30–58.
15. Meshcheryakov A. Yu., Yakushenkova O. S. *Kulturnaya gibridnost v usloviyakh urbanisticheskogo landshafta* [Cultural Hybridity in Urban Landscape Conditions]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2017, no. 4 (67), pp. 57–60.
16. *Natsiya. Kharbin* [Nation. Harbin], 1938, no. 17, November 1.
17. *Nacija. Harbin* [Nation. Harbin]. 1939, no. 38, December 5.
18. *Nacija. Harbin* [Nation. Harbin]. 1938, no. 21, December 10.
19. *Nash put'. Harbin* [Our path. Harbin]. 1934, no. 226(320), September.
20. Nilus Ye. Kh. *Istoricheskiy obzor sooruzheniy Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi 1896–1923* [Historical overview of the structures of the Chinese Eastern Railway 1896-1923]. St. Petersburg, Alpharet Publ., 2012, 726 p.
21. Petrov V. P. *Gorod na Sungari. Ocherki i rasskazy* [The city in the Sungari. Essays and stories]. Washington, Russian-American Historical Society Publ., 1987, 103 p.
22. Pogrebetsky A. I. *Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dalnego Vostoka za period voyny i revolyutsii (1914–1924)* [Money circulation and monetary symbols of the Far East during the period of war and revolution (1914-1924)]. Harbin, Society for the Study of the Manchurian Territory and the Far Eastern Siberian Society Book business Publ., 1924, 420 p.
23. *Russkoe slovo. Kharbin* [Russian word. Harbin], 1938, no. 17, November 1.
24. Rykunov D. Ye. *Russkiy kinematograf v Kharbine (1900–1945)* [Russian cinema in Harbin (1900–1945)]. *Izvestiya vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute], 2013, no. 1 (21), pp. 51–60.
25. Staroselskaya N. D. *Povsednevnyaya zhizn "russkogo" Kitaya* [The daily life of the "Russian" China]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006, 376 p.
26. Khisamutdinov A. A. *Russkie volny na Pasifike: Iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy Svet* [Russian waves in Pacific: From Russia through China, Korea and Japan to the New World]. Beijing, Vladivostok, Rubezh Publ., 2013, 640 p.